

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
И ДАРЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА

•

НАСЛЕДНИЦА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

•

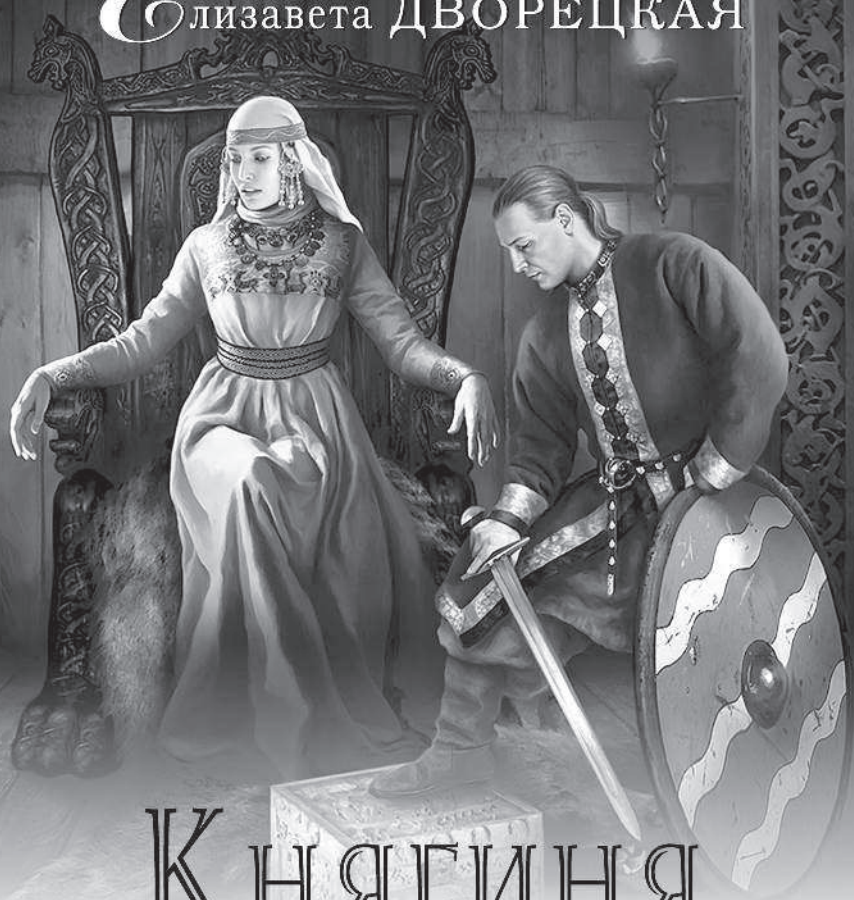
ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ВОИНСКОЙ УДАЧИ

•

ГУННХИЛЬД,
СЕВЕРНАЯ НЕВЕСТА

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ
ОЛЬГА
ЗИМНИЙ ПРЕСТОЛ

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Зимний престол / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-096820-6

Женившись на знатной болгарыне, князь Ингвар приобрел не только влиятельную родню, но и претендентов на русские земли. Оскорбленная предательством, княгиня Ольга ушла из Киева, не желая делить мужа с другой женой и... тем самым поставила Русь под угрозу распада. Мучимая желанием избавиться от соперницы и сохранить владения, Ольга вынуждена решить для себя и другой вопрос: стоит ли сдерживать давно скрываемое влечение к побратиму мужа?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096820-6

© Дворецкая Е., 2018
© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!

А. К. Толстой

Часть первая

Для прорыва Хельги Красный выбрал ветреную ночь.

Полная луна то появлялась из-за туч, то снова скрывалась, и тогда море, небо и восточный берег Боспора Фракийского тонули во мраке. Лишь вдаль по левому борту мерцали огни — светильники на боевом ходу царьградских стен.

Дождаясь подходящей погоды, сотня русских лодий несколько дней стояла в гавани на Пропонтиде, на восток от южного входа в пролив. Идти днем означало обречь себя на верную гибель. А в полной тьме русы, до того видевшие Боспор Фракийский всего один раз, не нашли бы дороги и погубили бы лодьи — сели на мель, врезались в скалистый берег. Или натолкнулись прямо на огненосные хеландии патрикия Феофана. Переменчивый свет ветреной ночи в этих обстоятельствах был наилучшим союзником.

Но и ветер годился не всякий — а только попутный. Только дующий на север, в сторону Греческого моря. Он один давал русам надежду — не слишком верную, но все лучше, чем никакой, — пройти через строй хеландий, что сторожили их здесь уже три месяца.

Смерти бояться зачем? Конец она бедствий и боли,
Матьер покоя она, все прекращается с ней!
Только единственный раз она к смертному гостьей приходит,
Разве встречал кто когда дважды явленье ее?¹ —

---

¹ Агафий Миринеийский, VI век (Памятники византийской литературы IV — IX веков, Москва: Наука, 1968; ответственный редактор Л. А. Фрейберг).

нараспев читала Акилина, стоя на носу скутара, под резной головой змея. Ветер трепал, относя вперед, края ее покрывала, и в эти мгновения она, бывшая царьградская потаскуха и беглая монахиня, как никогда напоминала Хельги валькирий из преданий его далекой северной родины.

Он не раз предлагал ей остаться на берегу — она отказывалась.

Впереди лежал Боспор Фракийский — логово огнедышащего змея. В начале лета русы уже сунулись туда с отвагой неведения; Хельги шел впереди двоих старших вождей, своих зятьев — князя киевского Ингвара и его воеводы Мистины Свенельдича. И не в пример витязям из сказаний именно он, идущий первым из троих, остался цел и невредим.

Теперь опасность была русам хорошо известна, но это ничего не меняло. Хельги сына Вальгарда ждала Русская земля, его наследственное владение. А иного пути в Греческое море из Пропонтиды, где находилась дружина, не существует.

* * *

В земле Полянской убрали жито, везде готовились к дожиночным пирам и свадьбам, когда по городцам и весям покотился тревожный слух. Княгиня уехала из Киева. За три дня до того князь вернулся из похода на греков — раненый, почти без добычи, с малой дружиной. . . и с новой женой. Неудача начала похода Эльга еще могла ему простить — особенно зная, каким удачливым рукам доверено продолжение. А новую женитьбу — нет. Напрасно веселая семнадцатилетняя Огняна-Мария, родственница болгарского царя Петра, слала ей через родича, царевича Бояна, поклоны и дары, уверяя в своей сестринской любви. Напрасно Ингвар повторял, что за Эльгой остаются ее права соправительницы и княгини русской. Ведь жен у князя может быть несколько, но княгиня — только одна, и это место было надежно закреплено за племянницей Олега-старшего. Новой женитьбой Ингвар не нарушил никаких законов и даже уговоров, но вонзил Эльге нож в сердце, и она не собиралась страдать одна.

— Я — княгиня русская, наследница Олега и твоя сопровительница, — дрожащим от гнева и обиды голосом говорила она ему на следующий день после прибытия. К этому времени она достаточно оправилась от потрясения, чтобы встать с постели и заговорить, но ее не покидало ощущение, будто она куда-то летит и в ушах шумит ветер бездны. — Это так! Ты дал слово, и тому видоки — все бояре и люди русские, мои родичи, вся дружина, священный дуб Перунов, сами боги! И если так, то почему ты осмелился... как ты решился на такое дело без моего совета? Как ты мог... заключить союз с Петром, не спросив меня?

Княгиня сердилась не без оснований: даже если бы она была не женой, а братом Ингвара, делившим с ним киевский стол, то и тогда имела бы право пенять ему. Но дело состояло не в этом, и Ингвар понимал это так же хорошо, как она сама.

— Когда я стал бы тебя спрашивать? — с трудом подавляя досаду, отвечал он. — Там все на ходу решилось!

— Ни один разумный человек не решает таких дел на ходу! У селян говорят: женился — как на льду провалился, но ты-то — князь русский!

Эльга с негодованием потрясала руками, но при этом избегала смотреть Ингвару в лицо, чтобы не разрыдаться. Каждый взгляд на него причинял ей боль, будто по сердцу проходило лезвие ножа. Никогда ее муж не был красавцем — среднего роста, с простым лицом и рыжеватой бородкой при русых волосах, внешнею он не выделялся среди отроков собственной дружины. И не раз за пять лет замужества Эльга заподозрила, что ума и воли боги ей отпустили уж не меньше, чем ему. Но это был ее муж. Ее суженый. Тот самый, за кого она решила выйти своей волей, когда родня, даже отец, тогда еще живой, думали отдать ее другому. Ради Ингвара, тогда еще ей незнакомого, она решилась на разрыв с кровным родом, ибо верила в свою судьбу как наследницы Вещего. К нему, Ингвару, она бежала в Киев из земли северных кривичей, доверившись его чести и удаче. С ним она взошла

на киевский стол, оттеснив родича — Олега Предславича. И все удалось: своим браком они связали в единую державу южные, приднепровские, и северные приволховские, владения руси. Казалось, и сами они связаны навсегда, неразделимо, как две руки одного тела. И вот... пока она тревожилась о нем и оберегала, сколько позволяли ее женские силы, их общее достояние и будущее наследие их сына — он нашел себе другую жену! Будто третью руку их единого тела — совершенно лишнюю!

— Я же тебе рассказал! Мне... нам нужна поддержка, хоть чья-нибудь, пока не ясно, чем закончится этот поход! — толковывал ей Ингвар. — А царь Петр — не пес из канавы! Он самому царьградскому цесарю ровня и родич!

— И значит, нам больше не нужно воевать с греками, если они отныне наши сваты? — язвительно осведомилась Эльга. — Когда нам ожидать их послов для совещания?¹ Ты скажи мне заранее, чтобы успела хлеба напечь, пива наварить. Или теперь о сих делах твоя болгарыня похлопочет?

— Тьфу! — Ингвар с трудом сдерживал желание выбраться, не находя достойного ответа.

Он и так очень злился на судьбу этим летом: едва ушел живым из первого же столкновения с греками и был вынужден повернуть назад с почти пустыми руками. Он привез в Киев раненых, оставив побратиму попытки спасти поход, честь свою, дружины и державы.

— Йотуна мать, я и сейчас не знаю, чем все это кончилось! — кричал Ингвар, вцепившись руками в стол, разделявший их.

Они стояли по обе стороны и сверлили друг друга такими ненавидящими взглядами, каких не было между ними за все пять лет брака. Им случалось ссориться, как всяким супругам, но если раньше то были трещинки и царапинки, то теперь возник разлом, грозивший полным разрывом. И семьи, и державы.

---

¹ Совещание (свещание) — «договор» (*древнерусск.*).

— Где мое войско? Жив ли хоть кто-то? С чем они вернутся — если вернутся? И что мне было делать у этих клятых болгар? Ждать, пока греки разобьют Свенельдича и пришлют кого-нибудь с войском взять меня за портки? Мне нужно было средство хоть как-то себя обезопасить. Понимаешь ты это? Или ты хотела, чтобы со мной там и покончили — если не греки, то болгары?

— Я не хотела, чтобы с тобой покончили! — дрожащим голосом отвечала Эльга. Она разрывалась между желанием задеть его посильнее и пониманием: дай она сейчас волю чувствам, беда может стать непоправимой. — Но если тебе так требовался союз с Петром, неужели нельзя было устроить это без женитьбы?

— Зачем ему был нужен союз со мной, если бы я не женился на его сестре?

— Ну а как же он ее тебе отдал?

— Он и не хотел!

— Вы что — ее умыкнули? — Эльга в показном изумлении подалась к нему.

— Поначалу — да. А потом уже договорились. Бояна спроси. Он тебе все поведает. Хоть песню споет, сложил уже небось...

— Сыта я вашими песнями! — Боян, любезный и вкрадчивый родич Огняны-Марии и устроитель всего этого дела, внушал Эльге лишь отвращение. — Ты мог бы не жениться сразу — ряд положить, приехать домой без.. один. Посоветоваться — с боярами, с родичами.. со мной! Ты втянул русь в союз с зятем Романа! Воевать с греками нам теперь не подобает, потому что мы в свойстве! А где наше совещание? — Эльга раскинула руки, будто очерчивая пустоту вокруг себя. — Думаешь, Роман теперь обрадуется и пришлет послов, дружбу и любовь предлагать? Ты этой.. девой красной опутал себя и всю русь, а Роман не связан ничем и не должен нам ни хрена поросячьего!

— У меня не было другого выхода! — яростно отвечал Ингвар, с холодом в груди понимая: а ведь она права.

— Я вижу! — У Эльги на глазах заблестели слезы обиды и отчаяния. — Будто в сказании: направо пойти — убиту быть, налево пойти — женату быть! Не туда ты свернул, мне сдается!

— Да лучше б я от «олядного огня»¹ сгорел! — Ингвар грохнул кулаком по столу, резко развернулся и вышел, не желая слышать те слова, которые княгиня с таким трудом подбирала.

Сейчас ему и правда казалось, что лучше было погибнуть в огне на воде Боспора Фракийского и стяжать славу павшего в бою, чем остаться в живых и одолевать последствия неудачи.

Едва дождавшись удара двери о косяк и стука яростных шагов на крыльце, Эльга снова залилась слезами. Она с трудом воспринимала, что Ингвар говорит, обида жгучей волной разливалась внутри: сердце ее мужа больше не принадлежало ей одной. Было так же больно, как если бы Ингвар и впрямь погиб. Если не хуже — тогда у нее осталась бы священная для нее и державы память. Но он жив, он здесь — Ингвар, женатый на болгарыне! Пренебрегший своей княгиней, он был хуже мертвого. Боль разрывала сердце, не давала обдумать и понять положение дел. Ей, княгине русской, сейчас не было дела ни до чего, кроме этого оскорбления: мужу стало мало ее одной, и этим он унизил ее перед богами и людьми!

Двоюродный брат Асмунд все это время оставался в Киве, и за ним Эльга послала первым делом. На другой день после возвращения Ингвара с Огняной-Марией, сразу как нашла в себе силы встать с постели. Кому же заступиться за ее честь и наследие, как не брату, первому защитнику сестры и ее потомства?

Но Асмунд ее надежд не оправдал. Он сам два года назад ездил в Царьград послом, имел дело со стратигами в Таврии, а потому знал, как сложно русам договориться с греками.

---

¹ «Олядный огонь» — то же, что греческий огонь, горячая смесь. От «олядия» — «ладья».

— Мне эти йотуновы греки голову разбили, сутки в узилище держали, и то, я думаю, отделался легко, — сказал он. — Для христиан мы — звери жадные, только на то и годны, чтобы державе ромеев послужить, коли будет у нее нужда в нашей службе. А Ингвар молодец. Эта дева — Роману хотя бы свойственница. Мы ему уже не шиш с болота — родня какая-никакая. Уже есть о чем поговорить.

— Знатно же тебя тогда горшком по лбу приложили! — звенящим от слез негодования голосом отвечала Эльга. — Молодец! Твою сестру, княгиню, оскорбили и унизили, а по-твоему, он молодец! Был бы здесь Хельги, он бы не так рассуждал!

— И я того боюсь, — кивнул Асмунд. — Будет здесь Хельги — начнет дружину и народ мутить.

— Мутить! Отстаивать мои права, ты хотел сказать!

— Да чем Ингвар твои права нарушил? Он же тебя прочь не гонит?

— Еще бы он меня гнал! — Эльга шагнула к брату, упредев руки в бока и готовая ринуться в бой. — Меня! Здесь все мое! Это я его со двора сгоню — пусть к себе в Хольмгард едет и там со своей хотью¹ княжит!

— Киеву князь нужен. Пока Свенельдич с войском не вернулся, ты город своими бабьими обидами не баламуть. Если его разобьют, то мы не то что царю болгарскому — волку хромому из лесу будем рады, лишь бы чем помог!

— Иди ты... в лес! — Эльга в негодовании смахнула глиняную чашу со стола на пол.

Но подумала с холодом на сердце: что, если и Мистина сказал бы ей то же самое?

Асмунд ушел, качая головой и жалея, что сестру-княгиню сейчас нельзя заставить взглянуть на дело разумно. И все же этот разговор не прошел даром. Своему брату, человеку умному и надежному, Эльга привыкла доверять. Взглянув на дело отчасти его глазами, Эльга будто поднялась на ступеньку выше той, на какой стояла с юности.

---

¹ Хоть — милая, любимая; наложница.

Уже пять лет она замужем, у нее четырехлетний сын. Но только сейчас Эльга ощутила, как нечто в ней по-настоящему изменилось после детства и юности. Пятнадцатилетней девушкой она решилась бежать из дома, от родных, порвала с близкими и чурами, доверившись вместо них Мистине — тогда совсем чужому ей человеку. А вела и укрепляла ее свойственная юным вера в счастье, что ждет где-то за небокраем — стоит лишь сделать решительный шаг, не сбобеть, оторваться от родного порога. И надежды ее не обманули — она и Ингвар достигли больше того, чем поначалу могли желать. Ее будто несла волна удачи — и выносила, позволяя не терять бодрости, хотя жизнь уже не раз стучала железным кулаком в ворота.

И вот створки рухнули. Сброшен и уплыл веноч девичьих упований на неизменное счастье. Теперь Эльга смотрела в жизнь глазами зрелой женщины, знающей, что труд, разочарование и забота — это будни, а передышка от них — редкий подарок судьбы. И ей было так жаль себя вчерашнюю, будто умерла ее любимая младшая сестра.

И все же она была слишком молода, чтобы ум так сразу поборол чувства. Умение принимать разочарования приходит с опытом, а на ее пути такое суровое разочарование встало впервые.

Не раз за эти дни на Олегов двор являлись киевские и окрестные старейшины. Слух о новой женитьбе князя разносился по городцам полянским, и все хотели знать, что происходит.

— Неужто померла княгиня? — спрашивали приезжие на пристани.

— Что с походом и дружиной? — толковали на торгах и по дворам.

С кем Русская земля теперь в дружбе и вражде? Ходили даже слухи, будто в Болгарском царстве князь принял Христову веру, оттого, стало быть, и на болгарыне женился. Но гриди никого к нему не допускали. Ингвар еще не настолько собрался с мыслями, чтобы говорить с людьми. Его собствен-

ный поход кончился неудачей, и рассказывать об этом не тянуло. Война еще могла принести успех, но это зависело не от него. А о тех, от кого зависело, он ничего не знал. Он привел назад всего четыре сотни человек, из них многие и сейчас еще не оправились от ран. Где прочее войско во главе с Мистиной и другими боярами? Что с дружиной Хельги Красного? Послали им удачи боги или все в Греческом царстве в сыру землю полегли?

Старейшины подсылали отроков и к Эльге, надеясь узнать что-то от нее, но и она гостей не принимала. От стыда ей не хотелось никого видеть. Она как будто упала в навозную лужу у всех на глазах, рухнула с высоты, на которой стояла ранее и привыкла считать это своим законным правом. Племянница и хранительница наследственных прав Олега Вещего, пять лет она сияла будто солнце над Киевом. «Ты смарагд наш многоценный», — говорил ей Мистина той зимой перед походом Хельги на Самкрай, и от воспоминаний о проблеске нежности на его жестком лице Эльге еще сильнее хотелось плакать. Но вот оказалось, что для собственного мужа она не так уж многоценна. Понадобилась другая.

— Княгиня, лебедушка, да что же ты так себе сердце рвешь? — пыталась утихомирить Эльгу Ростислава, ее родственница. — Как будто от веку такого не бывало, чтобы муж другую жену привел? Да у кого же из князей и бояр не по две и три жены? У деда моего Олега их десяток перебывало, и до бабки Бранеславы, и при ней, и после нее. . . И русинки были, и славянки, и хазарки, и ясыни. . .

— Да если бы он челядинку какую в углу зажал, я бы и не глянула! — горячо возмущалась Эльга, едва слушая ее. До сих пор она у себя на дворе подобного за Ингваром не замечала, а что он делал во время походов, зимних и летних, когда жена не видала его по три-четыре месяца, она предпочитала не знать. — Но то княжна болгарская, царя Петра родственница, а через него — Романа цесаря! Я — наследница Вещего, она — никто здесь! Всем чужая и никому не нужная! Где Киев и где болгары?

Знатное происхождение и сильная родня Огняны-Марии делали ее опасной. Это было почти такое же солнце: оно робко выглядывало из-за небокрая, примериваясь, не найдется ли здесь места и для него? У Эльги екало сердце, когда она вспоминала: поначалу и сам Олег Вещий в Киеве был никто. Он пустил здесь корень, взяв в жены Бранеславу из древнего рода Киевичей. Ингвар тоже не имел здесь никаких наследственных прав и получил их в приданое за Эльгой. Не считает ли он теперь Киев своим владением, а права на киевский стол — своими собственными?

— Ингвар здесь чужой! — гоня прочь эти мысли, говорила она Ростиславе. — Он стал господином над Киевом благодаря мне! Наш, Олегов род дал ему власть! Если он потеряет меня, он потеряет все!

Ростислава только вздыхала, отчаянно жалея, что нет рядом ее мужа. Острогляд, зять Олега Предславича, был одним из самых деятельных сторонников и устроителей заговора, передавшего власть Ингвару и Эльге. И вот теперь, когда союз права и силы грозил расколоться, Острогляд находился в Греческом царстве, с Мистиной и прочим войском. А в Киеве не оказалось почти никого из людей, способных помочь делу. Мистина, Ингваров побратим и наиболее доверенный человек княжьей четы, старшие бояре, родичи — все сейчас за морем. И живы ли?

Эльге было бы легче перенести измену мужа, не будь они так близки ранее. А теперь в ней росла настоящая ненависть: так ненавидят людей, сумевших предать именно потому, что им доверяли!

— И ладно бы, если бы я Ингвару отдала себя одну! — возмущалась Эльга перед Ростиславой и Утой. Сестра в эти дни почти не уходила от нее, покинув свое хозяйство на ключницу. — Но я отдала ему Киев, землю Русскую! А он теперь кому их вручить задумал? Болгарам? Петру? Или сразу Роману?

— Но что же ты будешь делать? — с тревогой спрашивала ее сестра Ута. Несогласие в семье для нее было что острый нож.